

P2
4139

М. НЕБОГАТОВ

СВЕТ

В © КИИЕ

АҲҲАВНЕ КННПН

Расписка
читателя
в полу-
чении

Расписе
библио-
текар
о воз-
врате

26

26

P2
W-59

М. НЕБОГАТОВ

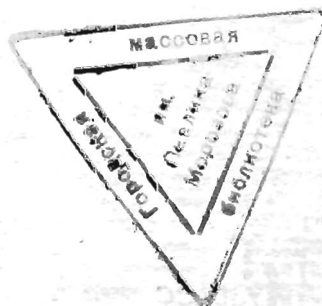

СВЕТ В ОКНЕ

СТИХИ

48844

Вср ас

Кемеровское
книжное
издательство
1969

Оформление художника К. ЦВЕТКОВА

«Я СРОДНИЛСЯ НАВЕК

С ПОЛЕВОЮ ТРОПОЮ...»

Когда вы начнете читать этот сборник, то прежде всего вы услышите интонацию задушевного дружеского разговора. К читателю-другу своему обращается поэт, человек много переживший, перевидевший, узнавший подлинную цену всему. Внимательный ко всем проявлениям жизни, поэт умеет увидеть прекрасное и значительное в повседневном, незаметном, виденном всеми много раз, он умеет радоваться этому найденному, открытому им в повседневности и, открывая красоту мира, учит ценить и любить жизнь, этот «наш краткий праздник бытия». Самое главное в поэзии Михаила Небогатова, на мой взгляд, — ощущение полноты жизни и прекрасности ее. Это не значит, конечно, что поэт просто приемлет все увиденное, что он утверждает, не отрицая ничего. Его антипатии выражены вполне определенно и резко, но более привлекают внимание поэта Михаила Небогатова светлые стороны бытия. Может быть, поэтому он так часто обращается к изображению природы, ее красок, ее движений, ее непрерывных изменений, хотя он внимателен и к людям. До боли родны и дороги ему русские сибирские просторы с их величественными реками, бескрайними полями, черновой нетронутой тайгой. Ему мил и маленький ручей и полевые колки, трепетно любованье поэта распускающимся цветком, закатом и рассветом, его неподдельно радуют «белоснежные, ядренные» облака, плывущие в сини неба, ² ~~пишеничные~~ просторы в тонком июльском мареве.

дальняя избушка в лесу, и девичья песня в ³ ~~зд~~ чистоте
Теплые волны любви к русской природе и ⁴ ~~и~~ новен-
сердца поэта в его стихи и отдаются в сердце ⁵ ~~и~~ родине.
ля теплой ответной волной. ⁶ ~~и~~ автора.

«Счастливы я и рад необычайно,
Что вижу солнце, синий небосвод,
Что высоко над самой головою
Я журавлей прощальный слышу крик,
Что березняк шумит сухой листвою,
Как милый мне есенинский дневник».

Он благодарен мудрой матери-природе за нетленную жизнь, он с удовлетворением замечает, как благотворно действует природа на человека, как душевнее, мягче, отзывчивее становится городской житель, попав на просторы полей. Вот она, та самая красота и прелесть жизни, которую люди часто не замечают или о которой постепенно забывают, будучи заняты тысячами мелких суетных дел своих. Михаил Небогатов считает, что обязанность и призвание поэта — всегда находить, открывать красоту и напоминать, говорить о ней людям, одаряя их этой красотой в меру своего таланта. В одном из своих стихотворений он прямо говорит об этом:

«Всей жизни — бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь,
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь».

Михаил Небогатов в своих стихах воспекает зиму и лето, закаты и восходы, первый подснежник и последний золотистый лист на клене. Неподдельное восхищение жизнью во всех ее вечно обновляющихся проявлениях выражено у Небогатова словами обыкновенными и простыми, в форме привычной и не новой. И это неслучайно: поэт считает, что простые слова и давно открытые формы стиха отлично могут выразить любую важную и серьезную мысль. Поиски новой формы Михаил Небогатов считает делом второстепенным — говорилось бы в произведении о сокровенном, выношенном в душе, шли бы слова из самого сердца. «Простой» форме не скроешь слабого содержания, важное выступает в ней с особой рельефностью. Любовь к жизни, большая любовь к природе, людям. По-видимому, это чувство рождает поэта. Какой поэт немыслим без него. У каждого

оно закладывается в различные моменты жизни.

У Михаила Небогатова любовь к природе возникла незаметно, исподволь, с детских лет. Маленький рабочий поселок Гурьевск, где в 1921 году в семье счетовода металлургического завода родился сын Миша, со всех сторон был окружен лесами. Первые детские забавы и открытия были связаны с родной природой. Любовь к людям, к живому русскому слову воспитывалась в семье матерью, которая знала наизусть много стихов и песен Некрасова и Кольцова, речь ее была пересыпана пословицами и поговорками.

Отец умер рано, и семья долго была в нужде и лишениях. В 1937 г. Михаилу пришлось оставить учебу, и он стал работать техником-инвентаризатором. С первых дней войны М. Небогатов был мобилизован. Воювал сначала рядовым красноармейцем, а затем — в звании младшего лейтенанта. Участвовал в боях на Смоленском и Ворошиловоградском направлениях. В 1943 году в одном из боев Михаил Небогатов был тяжело ранен и вернулся в Кемерово. После выздоровления он работал военруком, культмассовиком, литсотрудником газеты «Кузбасс», корреспондентом областного радио, редактором отдела художественной литературы Кемеровского книжного издательства. Особенно по душе пришлась ему работа журналиста, в которую он уходил с головой. Но в нагрудном кармане его пиджака всегда лежала заветная записная книжка, в которую частенько вписывал он строчки сочиненных им стихов, свои первые строчки, их долгое время он стеснялся кому-либо показывать. А через некоторое время его стихи появились на страницах областной газеты «Кузбасс». Ее корреспондент Михаил Небогатов писал для газеты стихотворные репортажи и рассказы о передовиках производства, о значительных событиях в жизни земляков, о родном Кузбассе, что растет не по дням, а по часам. Часто из-под его пера выходили гневные сатирические стихи, высмеивавшие обывателя и тунеядца, бюрократа и лодыря.

Но не эти стихи привлекали к нему внимание читателя. Полюбились читателю простые и проникновенные строчки Небогатова о природе, о любви к родине. Тут чувствовалась главная тема молодого автора.

Стихотворчеством Михаил Небогатов начал заниматься в юности, но долгое время не придавал этому серьезного значения. Он писал о себе в одном из своих сборников: «И на фронте и в первое время по возвращении домой я совсем не помышлял о том, что когда-нибудь литература станет моей профессией, стихотворством занимался по-дилетантски, между делом.

Началом серьезной творческой работы считаю 1945 год, когда мои стихи стали частенько появляться в областной газете «Кузбасс».

Лишь в 1952 году выходит первый сборник стихов Михаила Небогатова «Солнечные дни». Во многом они были беспомощными, ученическими. В 1953 году вышел сборник «На берегах Томи», а через четыре года — небольшая книжка стихов для школьников — «Юным друзьям». Затем выходят книжки его лирических стихов «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.). В 1962 году Михаил Небогатов был принят в члены Союза писателей СССР. Поэт много читает, учится, изучает современных советских и русских поэтов, много пишет. В 1963 году в Кемерове выходит сборник «Родные проселки», три года спустя — сборник «Майский снег».

Война оставила тяжелый след не только на теле, но и в сознании Михаила Небогатова, хотя стихов о войне, ее ужасах у поэта совсем мало. Но дело тут, по-видимому, не в количестве: война заставила взглянуть по-новому на жизнь, на людей, на все окружающее. Вынесшему на своих плечах ее тяготы, глядевшему не раз в глаза смерти, солдату жизнь казалась стократ милей и значительней, чем раньше.

С войны вынес он убеждение в неразрывной связи и зависимости людей друг от друга, высокое понятие о дружбе людской, чувство доброжелательности к людям, глубокое чувство уважения к русскому народу, к его прошлому и славному настоящему, к его героическому мирному труду.

Громкая патетика несвойственна поэту Михаилу Небогатову, удачи сопутствуют ему тогда, когда он говорит тихим задушевым голосом.

Есть цветы огромные, яркие, привлекающие внимание издали. Есть цветы неяркие, скромные, с виду

неприметные. Но без них не будет полевого букета, именно эти — обыкновенные, неприметные цветы и придают ему главную прелесть. Присмотрись, как она близка тебе и как много говорит твоему сердцу. Так и поэзия Михаила Небогатова. Она не поразит воображение неожиданной рифмой, экзотическим сравнением, звонкой аллитерацией — она подкупает читателя своей задушевной теплотой и безыскусностью.

В сборнике «Свет в окне» читатель найдет стихи о природе, о любви, о товарищах, земляках, о родине. Многие из них написаны давно, значительно количество и новых стихов. Готовя сборник к изданию, поэт пересмотрел все им написанное, многие произведения были переработаны. Автор стремился представить на суд читателей различные по темам произведения, которые считал наиболее достойными быть напечатанными в книжке избранных стихов.

Не представлены в сборнике переводы с шорского и сатирические стихи, которых у поэта немало.

Автор разделил сборник на три раздела, в каждом из них произведения, близкие по теме. Деление это, конечно, весьма условно.

В каждом стихотворении Михаила Небогатова, на какую бы тему оно ни было написано, читатель легко уловит сущность его творчества, о которой он сказал так:

«Пусть не стану я большим поэтом,
Пусть со мной стихи мои умрут,
Но пока люблюсь белым светом,
Я не брошу свой заветный труд.
И пока я вижу небо это,
Эту землю, солнце, облака,
Не умрет во мне душа поэта,
Будет славить жизнь моя строка!»

«Славить жизнь» — вот то самое главное и верное слово, которое сказал поэт сам о себе.

Л. ГЛЕБОВА

* * *

Не удивлять, а удивляться
Я в этот светлый мир пришел,
Где цвет черемух и акаций
И в блеске дня жужжанье пчел.

Смеется ль синий май в Сибири,
Сентябрь ли хмурится, скорбя, —
Все время что-то в этом мире
Я открываю для себя.

Моим открытъям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.

Всей жизни, бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь.
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь,

Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

1965

РОССИЯ

Откуда начинается Россия?
Одни поэты лишут: от села,
От дедовской околицы;
Другие:
От заводской заставы, мол, пошла.
Не знаю я, найду ль единоверца,
Но верю в убеждение свое:
Россия начинается от сердца,
С рождения влюбленного в нее,
Влюбленного в народ простой и скромный,
Умеющий держать и плуг, и меч,
В заснеженный простор ее огромный,
И в русскую пленительную речь.
Все в этой речи есть — и крепость перца,
И сладость ягоды, и горечь слез...
Россия начинается от сердца,
Влюбленного в бессмертный свет берез.

1967

* * *

Годы, годы. Ах, как они мчатся,
Быстротечной уходят водой...
Вот уже и морщинки лучатся,
А давно ли я был молодой?
Далеко, далеко уже где-то
Вся в воронках, в пыли колея,
Где прошла, в гимнастерку одета,
Ясноглазая юность моя.
И уже забываются лица
Забайкальцев, минчан, москвичей,
С кем в окопах пришлось мне ютиться
Много дней и бессонных ночей.
Лица смутны... Но зримо другое,
Время это вовек не сотрет:
Как, оглохнув от грохота боя,
Мы бежали по полю вперед.
А навстречу — огонь пулемета,
Нет надежды остаться живым.
До чего умирать неохота
Жизнелюбам, бойцам молодым!
Но какая-то гордая сила
За решающий миг до конца
Над землей, над собой возносила
И на подбиг толкала юнца!..
Вот идет он в толпе многолюдной.

Постарел... Поседел... Ничего!
Я-то знаю: был путь его трудный.
Вижу: солнце сквозь сад изумрудный
Благодарно глядит на него...

1963

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далеком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком —
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое —
Сады в черемушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я —
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вновь — почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, в мир влюблен.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,
Я шел и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»

Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой —
Душа российского народа,
Его характер золотой.

1957

СТАРЫЙ СОЛДАТ

1

Прожгла ракета ближний лес —
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,
Откуда неся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
Перед глазами вырастали.
Вот кто-то вскрикнул в двух шагах.
А он лишь чувствовал с досадой,
Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задышался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку вскидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.
Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозленный,
Он, как бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир зеленый!..
И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа — бледного парнишку...

Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.
Он ничего не говорил.
Стер капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымсом выдохнул: — Работка!..

2

Шел день за днем. За боем — бой.
Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой —
Последнее, что в жизни видел...
Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечереющей опушке.
Он был, казалось, невредим —
Ни крови рядом, ни воронки.
Снаряды фыркали над ним,
И пули чмокали в сторонке.
С руками накрест, на спине
Лежал солдат на снежном поле.
Лицо спокойно, как во сне,
В нем ни страдания, ни боли.
Но весь его спокойный вид
Как бы кричал глухой планете:
«Нет, я не умер! Я убит!
А мог бы долго жить на свете».

3

А в этот миг, сбиваясь с ног,
Ведь столько дел! — жена солдата

К столу подносит чугунок:
— Садитесь ужинать, ребята!
В окошко виден снежный рой.
Дремотен вечер, как усталость...
Одна картошка. Да и той
Немного в погребе осталось.
Такой у малых аппетит!
Пыхтят и губы обжигают.
Их мать в окно на снег глядит,
Молчит, украдкой вздыхает.
Любви и нежности полна,
Она невзгодам не сдается:
Вот скоро кончится война,
Домой кормилец их вернется.
Прислал письмо, Десяток слов
О немцах, Гитлере-бандите,
И о себе — мол, жив-здоров,
Мол, к посевной с победой ждите...
И ждет она весны большой,
Нетерпеливо дни считает.
...А где-то там, где грохот, вой,
В глазах кормильца снег не тает...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветет лучистым маем,
А дни его — огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жестко и упрямо,
Фронтовиков сужается все круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года —
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то —
Все порастет, как говорят, быльем,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика —
Земля их не забудет

Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке — памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным —
Весной березам вспыхивать листвою!
Не раз Россия в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы —
У пламени зеленого берез.

1968

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Доныне где-то спорят очень рьяно,
Что значит положительный герой,
Каким он — идеальным, без изъяна
Или с изъяном — должен быть порой.
Одни икону видят в идеале,
Другие — всей душой за идеал...
А сам герой когда-нибудь едва ли
Над тем вопросом голову ломал.
Он сверг царя, из мрака вышел к свету,
Трудолюбивый, мудрый, полный сил.
Впервые в мире спутник и ракету
Он смастерил и в космос запустил.
Какой же он? Гадай, кому досужно!
Герой далек от споров о себе.
Он без шумихи делает, что нужно,
Судьба страны видна в его судьбе.
Как ни мудри, вопрос давно понятен:
Не о изъянах, спорщик, хлопочи,
Известно всем, что солнце не без пятен,
Но греют мир не пятна, а лучи.

1959

ПУТИ-ДОРОГИ

Может быть, считает кто-то,
Глядя в даль, где пыль столбом,
Что шоферская работа —
Лишь прогулки с ветерком.
Дескать, сядь к своей баранке
И посматривай вперед.
От стоянки до стоянки —
Никаких тебе хлопот.
Подтверждаю правды ради:
Сесть за руль не мудрено,
Дать газку на автостраде —
Удовольствие одно!
На шоссейной, на гудронной,
Коль дорога хороша,
Вдохновенной, окрыленной
Вмиг становится душа.
Но у праздничной медали
Есть другая сторона.
Стоит вдуматься — едва ли
Соблазнительна она...
Ночь. Осеннее ненастье
В смотровое бьет стекло.
Едешь, едешь — вдруг несчастье:
Вбок машину повело.
Повернулась, стала косо.

Точка. Дальше ходу нет.
Воют задние колеса
И скользят, попав в кювет.
Как достанется шоферу,
Сколько поту он прольет —
Скажет степь... В иную пору
Бьется ночь всю напролет...
А бывает много хуже,
Все терпенье — через край:
Лезь под кузов, прямо в лужу,
И ложись. И починай...
Вот приехал на сушилку.
— Щец бы мне. Погорячей!
Ложку подали и вилку,
А пока налили щей,
Парень спал уже тревожно,
Свесив голову на грудь.
Разбудили осторожно,
Закусил — и снова в путь...
Так что зря считает кто-то,
С делом толком не знаком,
Что шоферская работа —
Лишь прогулки с ветерком.

«КУКУРУЗНИК»

Высоты подоблачный союзник,
Он, кургузый, старенький на вид,
Не смущаясь кличкой «кукурузник»,
Деловито в небе тарахтит.

Мы с далеких лет к нему привыкли,
Как на друга смотрим своего.
Будто кто-то мчит на мотоцикле —
Так сроднились с голосом его.

Пусть не знает подвигов он дивных —
И ему широкий путь открыт!
На своих собратьев реактивных
Безо всякой, зависти глядит.

...Вот опять над крышей, мимо флага,
Озабочен грузом срочных дел
Безотказный честный работяга
Торопясь куда-то полетел.

Не его ль поселок ждет рабочий,
Ждут на стройке ближней и в селе?..
Неспроста, как видно, дни и ночи
Он поближе держится к земле.

1960

СВЕТ В ОКНЕ

Ночь. Метель укрыла город.
Только ветра буйный бег.
Снег летит в лицо, за ворот,
Залепил ресницы снег.
Ты промерз, устал в дороге,
И мечтаешь об одном —
О родном своем пороге
В снежном городе ночном.
И какое это счастье —
За углом, где так темно,
Сквозь метельное ненастье
Увидать свое окно!
Свет горит, и в ярком блеске,
Где кружится, вьется снег,
Силуэт на занавеске —
Ждет любимый человек.
И, растроганный немножко,
В кутерьме до самых крыш,
Ты на светлое окошко,
Как на родину, глядишь.
Вспоминаешь, как до дрожи
Стыл ночами на войне,
Ничего не знал дороже
Света мирного в окне.

В небе сумрачном, тревожном
Бились всполохи ракет,
И казался невозможным
Этот милый теплый свет...

1966

ФЕКЛА ГРЕЧУШКИНА

Рассказ о стихах

Есть средь сибирских деревень
Камышенка. Слыхали?
Недаром ей в далекий день
Название это дали.
На юг, на север поглядишь —
Кругом одно и то же:
Камыш, камыш, сплошной камыш,
Безлюдье, бездорожье...
В те дни, с которых буду я
Бести повествованье,
Жила в Камышенке семья,
Достойная вниманья.
«Везло» Скворцовым. Что ни год —
Хозяин беспокойней:
Жена то сына принесет,
То встретит сразу двойней...
А в жизни полный кавардак.
Колчак грозит проклятый.
В одной деревне — красный флаг,
В соседней — полосатый.
Здесь власть уже в руках крестьян,
А там — шумят смутьяны...
Созвал друзей Скворцов Иван:
— Пойдемте в партизаны!

Я так считаю, не с руки
Нам без Советской власти.
Она за нас ведь, мужики.
Давайте с печек слазьте!
Дадим по шее белякам
Иначе — суд их краток —
Нагрянут сами ночью к нам,
Побьют, как куропаток...
В затылке некогда чесать.
Иван толкует дело!
Пора берданки в руки брать!
Отсидка надоела.
Два дня готовили подряд
Коней и снаряжение.
На третий — в лес ушел отряд.
И вскоре дал сражение.

* * *

Не мил без мужа дом родной,
Однако, слава богу,
Война обходит стороной,
Забыла к ним дорогу.
Присядет женщина к столу —
Ладонь у подбородка —
И долго смотрит в ночь, во мглу
Задумчиво и кротко.
Один прохожий, говорят,
Рассказывал недавно,
Мол, стал Камышенский отряд
Почти что самым главным.
Мол, колчаковский генерал
Из самых образцовых
В одних кальсонах удирал

Он нашего Скворцова.
Где склад горит, где поезда
Взрываются неожиданно,
Где бой, засада — там всегда
Скворцова партизаны!
Кто знает, правда или нет,
Верны ли это слухи...
— Ох, помутился белый свет, —
Печалились старухи...
Однажды августовским днем,
От знойной дымки блеклым,
За речкой где-то ухнул гром,
Да так, что дрожь по окнам!
Живой сигнал военных гроз
Здесь слышали впервые.
В глазах у всех немой вопрос:
Свои или чужие?
Кто б ни был там — скорей во двор!
Гремят крючки-железки.
Скорей ворота на запор,
Плотнее — занавески!..
Как раз напротив, где жила
С детьми жена Скворцова,
Был новый дом, второй с угла,
Игрушка, право слово!
Как все, Гречушкин Михаил,
Игрушки той хозяин,
Сейчас был там, где нужен был —
В лесах он партизанил.
Вот и хозяйке молодой
Спокойно не сидится.
Глядите, вышла за водой,
Нисколько не боится.
Послушав, что там вдалеке,
Румяная, босая,

Свернула за угол, к реке.
Чуть ведрами качая.
— Вернись! — раздался чей-то крик.
С улыбкой обернулась.
Мол, ничего. И в этот миг
За балкой пыль взметнулась...
Плескалась в ведрах синь небес,
А гости верховые
Уже неслись наперерез.
Вгляделась... Ой, чужие!..
Усатый щеголь впереди.
Наган, погоны, шашка...
Ремни — крест-накрест на груди...
Высокая фуражка...
Конем как будто невзначай
Толкнул. Спросил сурово:
— А ну, молодка, отвечай,
Где тут изба Скворцова?
Едва ль заметил офицер —
Бродила в жилах водка, —
Как изменилась вдруг в лице
Красивая молодка.
Усатый дергает коня.
Глаза — под стать булавам...
«Там детвора... А у меня
Не семеро по лавкам...
А Михаил? Что ж, Михаил.
Да разве он осудит?»
И вроде больше стало сил.
Решила — будь что будет!
Казалось, что сама судьба
Ей выход подсказала.
— Скворцова? Вон его изба! —
На дом свой показала.
Команду подал офицер...

И к ней:— Как звать-то?
— Фекла...
Лишь замер топот на крыльце,
Дзинь!— вдребезги все стекла.
Сверкая зубом золотым,
Усатый млеет над тыном:
— Так поступаем мы с любимым
Гнездом... ик... ик... осиным...
Он мог бы, будь трезвей чуть-чуть,
Смекнуть — нечисто дело:
Схватила женщина за грудь,
Как стенка побелела...
Хитри и дальше, да умней,
Гречушкина Феклуша!..
Усатый вновь с улыбкой к ней:
— Одна живешь, без мужа?
Небось, соскучилась... Ха-ха!
Ишь, сдобная какая...
— А вы б нашли мне жениха.
И впрямь живу одна я!
Тот улыбается: напал
На добрую бабенку!..
Слез. Лошадь к тыну привязал.
— Кхм... Отойдем в сторонку...
Брось ведра! Дай-ка помогу.
Сюда вот... в палисадник...
Вдруг поднял руку к козырьку:
— Постой-ка. Что за всадник?
Солдат с пакегом прискакал
И вытер пот в истоме...
— Кончай!— усатый заорал
Хозяйничавшим в доме.
Проворно прыгнул на коня.
— Я к вам еще приеду...
Мигнул Феклуше: «Жди меня!»

Продолжим, мол, беседу.
С усмешкой бровью повела
(Дом подожгли, злодеи!)
— У вас, я вижу, есть дела
Гораздо поважнее...
И закружилась снова пыль
В другом конце селенья...
Была сегодняшняя была
Как страшное виденье.
«Жених!» Семь бед — один ответ...
Не знал ты о «невесте»:
Не привези солдат пакет —
Убила бы на месте...
Прошла б игриво, на виду,
В потемки сновала,
А там, как муху на меду,
Навек бы приласкала...
Сбежали. Скрылись без помех.
Ни дна им, ни покрывки!..
Трещало пламя... Раньше всех
Опомнились мальчишки.
Как воробьи из-за оград
Повысыпали с криком:
— Пожар! Гречушкины горят!
— А дыму-то! Смотри-ка!
И в самом деле дом пылал
С какой-то злобой дикой.
Сбегались люди — стар и мал,
С водой — а подойди-ка!
Приковылял столетний дед.
Рукой махнул с досадой:
— Сгорит. Спасти надежды нет.
Спасать соседей надо.
Ворота рушьте. Лейте здесь.
Ну, жарит! Эко диво...

Есть командир — порядок есть.
Взялись за дело живо...

* * *

Какая радость, боже мой:
Негаданно-нежданно
Пришли в Камышенку домой
Родные партизаны.
...Обросший, хмурый Михаил
Стоял над пепелищем.
— И здесь каратель, значит, был...
Что ж, и его разыщем!
Дождется встряски он, буржуй,
И пули в лоб впридачу...
Не плачь, Феклуша. Не горюй.
— Да я совсем не плачу.
Вздыхнув, поведала ему,
Как было, все сначала.
— Теперь ты знаешь, почему
Жилья у нас не стало.
— Э, вот в чем дело. Молодцом!
Рисково, но толково!
И муж с задумчивым лицом
Нашел в толпе Скворцова.
— Ты не слыхал, Иван Кузьмич?
Пожар-то неспроста ведь!
С тебя положен магарыч.
Придется, братец, ставить.
Скворцов в тужурке, весь в ремнях,
Попыхивая трубкой,
Шагнул с дочуркой на руках,
Глазастенькой и хрупкой.
И взгляд, каким поверх голов
Окинул он Феклушу,

Сказал ей все без лишних слов,
Запал глубоко в душу.
Никто вокруг понять не мог,
С чего вдруг при народе
Скворцов к себе ее привлек,
Расчувствовался вроде...

1956

ЕВГЕНИЮ УРБАНСКОМУ

В третий раз в тишине прощальной
С чувством горестным, как всегда,
Я смотрю этот фильм печальный,
Фильм с названием «Большая руда».
Ты готов уж заспорить жарко:
— Ничего печального тут!
Жизнерадостно, очень ярко
Воспеваает он мир и труд...
Затевать мы не будем спора,
Лишь напомнить тебе позволю:
Предсказал он судьбу актера,
Преподнес роковую роль.
В жизни есть какие-то знаки,
Смысл которых не разгадать...
Жил хороший парень Пронякин.
Шоферил. И умел мечтать.
Вспомни, как он спешил — на крыльях! —
Людам слово сказать свое:
Мол, большую руду открыли,
И он первым везет ее!..
Вблизи, близко горы вершина,
Но случилась вдруг беда,
И летит под откос машина,
И шофер, и его руда...

Вот смотрю и волнуюсь снова.
Если б только Урбанский знал,
Что на съемках фильма другого
Будет точно такой финал!..
Он ушел из жизни так рано.
Но оставил свои следы..
Льется свет голубой с экрана,
Словно свет погасшей звезды...

1967

СОЛДАТ С РЕБЕНКОМ

Н. И. Масалову

В огненной горячей круговерти,
В неумолчном грохоте атак
Девочку немецкую от смерти
Спас в Берлине наш герой-земляк...

Там бойца, прошедшего сквозь пламя,
В ореоле славных ратных дел,
Скульптор вдохновенными руками
В бронзе навсегда запечатлел.

Много весен, солнечных и ярких,
Отраженных в отблесках меча,
Он стоит в Берлине, в Трептов-парке,
С девочкой спасенной у плеча.

Он стоит на фоне ясной сини,
Как предупреждение всем врагам,
Величавым символом России,
Что метнула свастику к ногам.

Он стоит, красивый и могучий,
И следит за тучами вдали...
Сколько стран от свастики паучьей
Мы, как эту девочку, спасли!..

Пусть того солдата не тревожат
Те, кому все в мире нипочем.
Меч опущен. Но подняться может,
Если снова к нам придут с мечом!

1965

ЖАВОРОНОК

Памяти Анатолия Саулова

С голубыми ясными глазами,
С волосами светлыми, как лен,
Он недолго побыл вместе с нами,
В жизнь, в людей, в поэзию влюблен...
С малолетства увлечен был страстью
К звучным рифмам, чья всеильна власть...
На беду, наверно, а не к счастью
Достается людям эта страсть.
Не искал он славы и почета,
Воспевая солнце, россыпь рос.
В нем самом, казалось, было что-то
От российских пашен и берез.
Над рекой, где пениться воронкам,
У опушки, на лесной меже
Так мечтал он: «Быть бы жаворонком!»
И не знал, что им
Он был уже.
Чьи-то строчки, вскинув подбородок,
Повторял на память, как свои,
Весь светясь от образов-находок,
Говорил про многих: — Соловыи!..
Не берег себя, как всякий русский,
Был у бурь житейских на виду,

И устав, не выдержав нагрузки,
Разорвалось сердце на ходу...
Молодой, он молодым оставил
Птицу-песню, нежную до слез.
Сам ушел. Как будто бы растаял
Где-то там, во ржи среди берез.
И напрасно в душном жарком хлебе
Ищем взглядом друга своего.
Тишь. Покой.
Лишь жаворонок в небе
Все звенит нам голосом его...

1968

НАША ТРИБУНА

Пускай провинциальными певцами
Нас называет кто-то свысока
За то, что мы не тщимся с бубенцами
В столицу гнать Пегаса-рысака.
Звучал бы стих талантливо и юно,
Был для души, как рощи и поля!..
Есть и у нас высокая трибуна —
Кузнецкий край, сибирская земля.
Мы, в гениев тщеславно не играя,
Несем народу свой сердечный жар.
Внимают нам сыны родного края —
Шахтер, строитель, химик, сталевар.
Что ж, и они, как мы, провинциалы,
Чей путь — не дальше сумрачной тайги?
А на рейхстаге — их инициалы!
А в космосе — их первые шаги!
Не пробуйте унижить нашу лиру.
Гордимся мы, — ответим в сотый раз, —
Что мы певцы земли, известной миру.
Провинции по имени Кузбасс.

1967

РОДНЫЕ ПРОСЕЛКИ

Привык я к блеску площадей,
К асфальту этому, к трамваю,
И все же в сутолоке дней
Иных дорог не забываю.
Большая радость — пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути,
К простей проселочной дороге.
Один ее знакомый вид
С тысячелетним прахом-пылью
Так много сердцу говорит,
Такою русской веет былью...
Она ползет среди полей
То в черноземе, то в суглинке.
Темнеют трещинки на ней,
Как на родном лице морщинки.
Не знали деды и отцы
Про мостовые и панели...
Зимой звенели бубенцы,
А кандалы весь год звенели...
В глухое время, в дни невзгод
С мечтой о светлых куцах рая
Гудел печалью крестный ход,
Хмельному попику внимая.

Ступали лапти в эту пыль
И кривобокие обутки.
Стучал здесь посох и костыль,
И плач звучал, и прибаутки.
Как шрам глубокий — колея...
Тут, по репейнику густому,
Тень партизанского ружья
Скользнула в знойную истому.
Здесь был проселкам поворот,
И мы просторы увидали.
Отсюда ввысь
И вдаль, вперед
Пошли все наши магистрали!

1959

Я ПРИВЕЗ...

Посетив места родные,
Я подарков не привез —
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берез,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять
Там, где парни ждут девчат;
Черный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша.
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.

1964

* * *

Лежу в траве на берегу пологом.
Шуршит жучок у самого виска.
О чем мечты? Не знаю я. О многом,
Что в слове «жизнь» нам светится века.
На фоне неба, в знойной дымке томной,
Как в глубину задумчивой реки,
Ель вековая щукою огромной
В синь погружает ветви-плавники.

1957

ОБЛАКА

Белоснежные, ядреные —
Хоть бери их за бока —
Ярким солнцем озаренные,
Стынут в небе облака.
Спят над крышей, над оградой.
Солнце скроется на миг —
Так и кажется: прохладой
Веет на землю от них...

1961

* * *

Ясна, чиста заката алость.
Днем было солнечно, тепло,
И серебром переливалось
Речное синее стекло.
Не зная радостней находок,
Чем ерш и окунь золотой,
Здесь рыболовы с легких лодок
Глядели в воду день-деньской.
Песок горячий дети мяли,
Купались, бросив все дела,
И волны тщетно отмывали
Их загорелые тела...
И смех, и крики отзвучали.
Прохладен воздух. Тишина.
Уснули лодки на причале.
Встает огромная луна.
И на ее багровом фоне,
Что излучает тихий свет,
Отчетлив, строг, как на ладони,
Избушки дальней силуэт.
Под этим зыбким лунным блеском
Застыли волны на реке,
Лишь отвечают слабым плеском
Девичьей песне вдалеке.

1963

ПЕРЕПЕЛКА

Опустело на проселке.
Спит охотник у костра.
Только голос перепелки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь, как будто мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

1961

ИВАН-КУПАЛА

Кто такой Иван-Купала —
Ребятне не до того.
Искupать кого попало
В этот день важней всего!
Не дают дремать друг дружке.
— Хоп! — плеснул и наутек,
Сам весь мокрый, от макушки
До разутых, в цыпках ног.
Над поселком туча млела.
— Позабавься с нами! Ждем.
Постояла, не стерпела —
Тоже хлынула дождем!

1961

* * *

Один сказал:

— Опять у нас осадки!

— Ах, что за ливень! — ликовал другой.

Один увидел лужу, воду в кадке,

Другой представил море и прибой.

— Вот грязи будет! — первый чертыхался.

Второй мечтал:

— Теперь садам расцвести!

И под дождем стоял и улыбался...

Не в этом ли поэзия и есть?..

1961

ЗВЕЗДОЧКА

Какое дело звездочке далекой,
Что говорят, что думают о ней,
Когда она в безбрежности глубокой
Возникнет вдруг над сумраком полей?
Не всяк ее, быть может, и заметит,
Но, утверждая жизни торжество,
Горит она, и теплится, и светит —
Песчинка мира, искорка его.
И вижу я, теплом ее согретый,
Окинув взглядом отчие места,
Что без нее, без искорки вот этой,
Бедней была бы жизни красота.

1960

* * *

Сойдя на полустанке,
Усталый пассажир
Шагает по полянке
В полузабытый мир.
Сосна сторожевая
Зовёт его в тайгу.
И сказка оживает
Здесь на любом шагу.
Во взгляде и походке
Заносчивости нет,
Остались где-то сводки,
Доклады, кабинет.
Прокуренный весь за год,
Вдруг понял человек,
Что запах смол и ягод
Вкуснее, чем «Казбек».
Помахивает шляпой
И — что за разговор! —
Пусть ель зеленой лапой
Хватает за вихор!
И диву даться можно,
Как бледная рука
С рубашки осторожно
Снимает мотылька.

Простой необычайно,
Беспечный, как дитя,
С попутчиком случайным
Смеется он, шутя.
Такой хороший, славный,
Так весел, добр и мил!..
А ведь совсем недавно
Он бюрократом был.

1955

* * *

Нестареющая, вечная
Красота земли родной —
Голубая даль заречная
С луговой тишиной...
Обнимаю взглядом ласковым
Все травинки на лугу.
Будет срок — живую сказку вам
Расскажу я, как могу...
Вот березка в пышной кофточке,
В белой юбочке своей;
Вон тальник присел на корточки,
Молча смотрится в ручей.
На жужжание знакомое
Обернулся я. Пчела!
С добрым утром, насекомое!
Как живется? Как дела?
Ну, а ты о чем, безвестная,
Пригорюнилась, копна?
Ты же нашенская, местная.
Гордо выглядеть должна!
Знала б ты, как веет по лугу
Ароматом от тебя,—
Под небесным ясным пологом
Ты б стояла, не скорбя...

У тропы над синей лужею
Я гляжу во все глаза:
Вертолету неуклюжему
Подражает стрекоза.
Мостик, заводь, куст смородины,
Паровозный крик вдали —
Это все частица родины,
Мирный день родной земли.

1959

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Долго мучает ночами
День минувший рыбака:
Волны ходят обручами
От дрожанья поплавок.
Всплыл откуда-то подсолнух.
Где его я видеть мог?..
Это солнце, солнце в волнах —
Ярко-рыжий поплавок!

1957

* * *

Гляжу в окно вагона
На ясный летний день.
Бежит с вагоном рядом
Его живая тень:
То вскочет на пригорок,
То спрыгнет под откос,
Под тихий посвист ветра
И бойкий стук колес.
Дымок от паровоза,
Как снег январский, бел,
Легко, неторопливо
Над полем пролетел.
Растаял над цветами,
Над сочною травой.
Огромный одуванчик
Напомнил он собой...
От бабочек-капустниц
Белым-бело вокруг.
И кажется: ромашки
Взлетели с поля вдруг!..
Все дальше, дальше, дальше
Несется поезд наш.
И вот перед глазами
Иной уже пейзаж:
Кружатся сосны, ели —

Шумящий хоровод.
Вот солнышко блеснуло
В ручье лесном. А вот
В тени густой — осока
На кочках меж кустов,
Как скопище зеленых
Взъерошенных голов...
А вот у переезда
Мелькает алый цвет —
То галстуки алеют,
Ребята машут вслед...
В который раз я еду
По родине своей,
В который раз я вижу
Простор родных полей!
И снова, как бывало,
Как будто в первый раз —
Все сердце мне волнует,
Все радостно для глаз!

1965

В ПОЛЕ

Отгрохотав, гроза ушла на север.
Вновь птичий щебет, солнца жаркий свет.
Как остро пахнет медом алый клевер,
Что входит в силу, набирает цвет!

Лучится поле, блестками сверкая,
Прохладной, влажной свежести полно.
Ты приглядишься-ка, красота какая:
Все серебристо-красное оно!

А чтобы мир, который блещет ярко,
Еще был ярче, краше и нежней,
Над ним взметнулась радужная арка,
Горя соцветьем всех семи огней.

Как хорошо, как радостно до боли
Жить ощущеньем праздничным одним:
Неугасимо клеверное поле
С теплом лучей и с радугой над ним!

1967

ТИШИНА

В тени березы, пышной и кудрявой,
Так хорошо мечтается в тиши!
Весь шумный мир с бесславьем или славой
Далек, далек от взора и души.
С тобой лишь солнце рядом на опушке —
На ярком пестром острове цветов,
Пчелиный звон, кукуканье кукушки
С ее подсчетом будущих годов...
А лес все дальше, солнце все тусклее.
Исчезли звуки, сникла стрекоза.
И от дремоты сладкой, как от клея,
Нет сил разнять — слипаются глаза...
И вот земля моя дрожит от взрыва!
И люди, люди. Падают, бегут.
Не лес уже, а солнечная нива,
И над пшеницей — бомбовозов гуд!
Как тяжело, когда тебе за сорок,
Бежать с винтовкой к доту напрямик!
Как он знаком, весь этот страшный морок —
Свист, грохот, вспышки, чей-то стон и крик!
Стучится сердце, к жизни призывая!
И сон растаял. Лес и тишина.
Над лесом пухнет туча грозовая,
Тревоги скрытой сумрачно полна.

Сейчас сорвутся капли,
Но не металла,
А голубого звонкого дождя.
Уже листва осин затрепетала,
За грозной тучей весело следя.
Все молодое, нежное такое.
Цветы. Березка. Как она стройна!
А только в сердце нет уже покоя:
Приснилось мне, что началась война...

1966

ДОМ В РОЩЕ

В белой роще, в глубине,
Дом желтеет **новый**.
Неба краешек в окне
Темно-бирюзовый.
Струйка дыма над трубой.
На ограде — крынка.
Тишина. Уют лесной.
Меж стволов тропинка.
Чей же этот мирный дом,
Крепко в землю вросший?
Поселился, видно, в нем
Человек хороший.
Так и ждешь, что на крыльцо
Выйдет вдруг молодка,
Повернет к тебе лицо,
Улыбнется кротко.
— Заходите, — позовет, —
Отдохните малость...
И как будто унесет
Всю твою усталость.
А быть может, встретят нас
Взглядом исподлобным?
Станет светлый дом тотчас
Отчужденным, злобным.

Коль недобрая душа
Здесь живет — досадно:
Больно роццa хороша,
Празднична, нарядна.

1960

ПЕРЕД СЕНОКОСОМ

Зной. Покой. Полдневный душный час.
Чей-то голос кличет: — Милка! Милка!
А вдали,
Пыля на весь Барзас,
Тарахтит с горы сенокосилка.
Ветерок не пыль ко мне принес —
Шорох трав с дыханием медвяным.
Скоро, скоро жаркий сенокос!
Разбегутся копны по полянам.
Будут пахнуть травами лучи
И рубахи, темные от пота.
Будут хрумкать лошади в ночи...
Праздничная русская работа!

1961

ЛИВЕНЬ

Громыхнуло гулким басом —
В духоту, в дурманный зной
Крупных капель переплясом
Дождь ворвался озорной.
Ахнул тополь запыленный —
Рад, что туча пролилась,
Зашумел прибой зеленый,
Каждым листиком смеясь.
По крылечкам, по оградам,
Будто он на них сердит,
Лупит дождик с крупным градом,
Легкой свежестью бодрит.
Вдруг за сизым полукружьем
Солнце взмыло. Жар и блеск.
Детвора по звонким лужам
Разбросала синий плеск!

1960

АВГУСТ

Август — праздничного облика:
У него на голове
Белизна папахи-облака
В яркой сочной синеве.

Он звенит дождями в желобе.
Он закатом свеж, здоров.
У него в заплечном коробе
Не сочтешь земных даров.

Но ночами зябнут зяблики:
Ветки в инее висят.
Звезды крупные, как яблоки,
Небо стряхивает в сад.

И, чтоб с летом расставание
Было радостно, светло,
В полдень август на прощание
Дарит нежное тепло.

1964

СТОГА

От реки, где веточки черемух
В эти дни — как черные рога,
В медно-рыжих сказочных шеломах
Разбрелись усталые стога.
Разбрелись и стоя задремали,
На стожары грузно опершись.
А кругом простор, сквозные дали,
Только ветер носится — держись!
Ветер крутит все, что худосочно,
Все, что от земли оторвалось.
А они стоят спокойно, прочно,
Как стоять в России повелось.
Им просторы эти очень любы,
Им луга родные так близки!
Сеет дождь, и ветер хлещет грубый,
А стога не ведают тоски.
Снятся им зеленые тропинки,
Звон литовок, мокрых от росы...
Шевелятся тонкие былинки,
Как в улыбке рыжие усы.
Снится то, что было знойным летом:
Ранней зорьки нежная краса,
Земляника, девушка с букетом,
Косарей веселых голоса...

Низко-низко тучи проплывают,
Как коровьи тучные бока.
Спят стога и с радостью вдыхают
Из деревни запах молока.
Спят они, все в инее к рассвету,
И все ближе солнышко к стогам —
К величавым памятникам лету,
Ливням, свету, скошенным лугам.

1967

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Над желтым садом, над рекой
Льет дождик — нудно, беспрестанно.
И вся природа в день такой,
Как взгляд печальный Левитана.

Ржавеют листья и трава.
Но, неподвластные ненастью,
Цветы, неяркие сперва,
Вдруг расцвели, как чье-то счастье.

В аллее мокрой и пустой,
Где тополей шумят вершины,
Пылая, острый запах свой
Нам дарят астры, георгины.

Они задумались, грустят
С промозглым ветром в поединке.
На лепестках у них дрожат,
Как слезы радости, дождевики.

1963

БЕРЕЗКА

Сколько раз березка возле прясла
Загоралась жарко на заре;
Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла
По вечерней сумрачной поре.
Вдруг как будто чудо с ней случилось:
В час, когда заря ее зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.
И теперь, как зорька золотая,
Даже ночью излучает свет,
Журавлям далеким посылая
Грустный свой, прощальный свой привет...
Поцелуй, шепот у калитки,
Двух сердец таинственная речь...
А березка золотые слитки
На тропу роняет с белых плеч.
Стелет коврик с шумом полусонным,
Сыплет бусы — чистую росу,
Словно хочет подарить влюбленным
Всю свою последнюю красу.

1954

* * *

Нынче осень на редкость хорошая.
Оседлаю велосипед,
Все бумаги и книги заброшу я,
Чтобы мчаться за летом вослед.
До чего же привольно за городом —
Только знай нажимай на педаль!..
Шелестящим багрянцем и золотом
Расплескалась холмистая даль.
Ой ты, поле! Шуми и вызванивай!
Белый всадник уже недалек!
Может, солнышко в дымке сиреневой
Дарит ласку последний денек.
Может, завтра дыхание южное
Оборвется, к тебе не дойдя,
Опустеешь, чужое, ненужное,
Под свинцовую сеткой дождя...
А покамест — до самого вечера
По проселкам, где рядом жнивье,
Догоняю с улыбкой доверчивой
Уходящее лето свое...

1957

ТУМАН

Ох, сколько нынче за ночь натекло
На улицы холодного тумана —
Не видно солнца. Все вокруг бело,
Загадочно и призрачно-обманно.
Вот рядом контур каменной стены,
Бесцветный тополь стынет невесомо.
А дальше что? Лишь зыбкость пелены,
В которой все так скрытно, незнакомо.
Вокруг, в непроницаемости той, —
Моторов глуховатое гуденье,
Людей фигуры, видные порой,
Проходят, как слепые привиденья.
И осторожно, убавляя ход,
Почти на ощупь движутся машины.
Свет сильных фар тумана не пробьет —
Двух огоньков лишь теплятся рубины.
И ты придавлен как-то, угнетен —
Выхватывает взор одни детали...
Как хочется опять со всех сторон
Увидеть даль и солнце в синей дали,
Чтоб твердо знал, туда ли ты идешь,
Простор перед тобой или преграда...
Туман всегда — как вкрадчивая ложь,
Скрывающая то, что людям надо.

1964

* * *

Полями ли шагаю,
На лес ли засмотрюсь,
Во всем я замечаю
Задумчивость и грусть.
Томит молчанье стога,
Но нет, не скажет он,
Что думает дорога,
О чем вздыхает клен.
Вдали закат пылает.
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В его сухом огне.

1960

КОЛОСОК

В глубоком кювете,
Что лег через лог,
Как память о лете,
Лежит колосок.
Он хрупок и тонок,
Промок от дождей —
Забытый ребенок
Осенних полей.
Судьба одиночек —
Вздыхай да тужи.
Грустит колосочек
О золоте ржи,
О теплой сушилке,
О братьях своих...
Один на развилке
Дорог полевых.

1960

НАЧАЛО ЗИМЫ

С утра в глазах рябят снежинки.
Штрихуют воздух, торопясь
Засыпать тропки и ложбинки
И оголенных веток вязь.
Сперва покров настолько тонок,
Так шубка снежная нежна,
Что ступит валенком ребенок —
Земля промерзлая видна.
Здесь шины след, там след копыта.
За всем попробуй усмотри!
Но снег упрямо, деловито
Летит и час, и два, и три...
И вот уж в белое затишье,
В простор сияющего дня
Легла, как первое двестишье,
Чуть подсиненная лыжня.

1956

* * *

От мороза сторожка ежится.
Лес белеет, к себе маня.
Как вам нынче живется-можетсЯ?
Не скучаете без меня?
Одиноко вам тут, за городом.
В поле снежная тишина.
Лес прониЗак зарей и холодом,
И сторожка едва видна.
Все кусты и пеньки под шапками,
Под богатыми — из мехов!
Снег пушистый узорЯ лапками,
Заяц прыгает меж кустов.
Гаснет зорьки полоска узкая.
И косоЙ задремал у пня...
Все такое родное, русское,
Без чего не прожить и дня.

1960

В СНЕГОПАД

За сумятицей снежинок
Не видать дорог, тропинок,
Тесен мир от белизны.
Но великая отрада —
За стеною снегопада
Увидать простор весны.

Так вот мелочами быта
Жизни даль порой сокрыта
От твоих пытливых глаз.
Только сердце видит ясно:
По-весеннему прекрасно
То, что будет после нас.

1959

* * *

Звонким полозом кошевки
Напевает санный путь.
Лошадиные подковки
Забросали снегом грудь.
Хорошо в родных просторах!
Вечер. Поле. Тишина.
Убаюкал снежный шорох,
Укачала белизна.
Никакой вблизи приметы.
Поглядишь вперед, назад —
Лишь деревьев силуэты
Над сугробами скользят.
То в глаза метнется броско
Ель, вершину вознося,
То появится березка,
Как доярка, в белом вся.
Долго тянется проселок.
Нету края дали той,
Где небес туманный полог
Слился с белою землей...
Может статься, чей-то голос
Прозвучит за мной вослед:
«Про какой он пишет полоз
В век космических ракет?»

Ничего я не отвечу.
Славя русскую зиму,
Вон огни бегут навстречу,
Прямо к сердцу моему.

1960

* * *

В снежных шубах ели, пихты.
Небосвод суров, угрюм.
Лес таежный, что притих ты,
От каких заветных дум?
С вьюгой злой единоборец,
Вспоминаешь, может быть,
Как любил охотник-шорец
Одиноко здесь бродить?
Как далеко по урманам
Ухал выстрела обвал,
Как укладывал жаканом
Он медведя наповал?
Или слушаешь гуденье
Звонкой стали над собой,
Не скрывая сожаленья,
Что нарушен твой покой?
Тучи скучились отарой,
И глуха сугробов тишь.
Ну, скажи, о чем ты, старый,
Так загадочно молчишь?
Шум машин плывет по логу
Под холодной мглой небес.
С тайной думой на дорогу
Загляделся зимний лес.

1963

ПОСЛЕДНИЕ МОРОЗЫ

Зима — скажи на милость,
Как по натуре зла! —
Внезапно спохватилась,
Что слишком уж тепла.
Зажгла костры мороза,
Рассыпала куржак.
И голос паровоза —
Как будто в двух шагах.
Лучам и далям вешним
Туман отрезал путь.
Всем жителям нездешним
Нельзя передохнуть.
Но что нам недотроги!
Глядите — из ворот,
В калоши сунув ноги,
Вон женщина идет.
Со звяканьем веселым
Качает два ведра.
По крепким икрам голым —
Ворсинки серебра.
Вы скажете: чудачка.
Простыть? Сошла с ума!
Не бойтесь — сибирячка!
Как раз по ней зима!

Про солнце, зелень, лето
Напомнила вдруг вам...
Трещит мороз.

Но это
Зима трещит по швам!

1962

* * *

В полдень, синяя
Тенью резной,
Снег все сильнее
Пахнет весной.
После метели —
Блеск слюдяной.
Брызги капли
Пахнут весной.
Птицей незримой —
Смех озорной.
Щеки любимой
Пахнут весной.
Веют закаты
Ширью земной.
Мысли крылаты.
Пахнет весной!

1959

В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ

Есть зимы обаяние в марте!..
Я люблю наблюдать поутру,
Как снежинки в веселом азарте
Хороводить начнут на ветру.

В бестолковом круженье, порханье,
Застилающем в далях зарю,
Снова зимнее слышу дыханье,
Возвращаюсь в мечтах к январю.

И хотя мне весенняя нежность
Свет и радость уже принесла,
Но и эта прощальная снежность
По-особому как-то мила.

Покрывает дома, огороды
Легкий пух, что летит с высоты..
День — как женщина в зрелые годы
Со следами былой красоты.

1964

ЗИМУ УВОЗЯТ...

Зиме, по всем приметам судя,
Уйти не хочется самой.
И потому решили люди
Не церемониться с зимой.

Вот, заурчав на повороте,
Увозит грузный самосвал
Метелей белые лохмотья,
Что крепкий холод спрессовал.

В поля, к белеющему лугу,
Под беспощадный яркий свет
Увозят зимнюю дорогу,
Где отпечатан санный след.

1964

* * *

Все замечают звон капли,
Зато никто не кинет взгляд
На деревца, что вдоль панели,
Как вешки, голые стоят.

И в самом деле, грустный, жалкий
Весною ранней облик их:
Торчат стволов прямые палки
И прутья веточек кривых.

И мне пока поверить трудно,
Что в этих прутьях — жизни сок,
Но яркой вспышкой изумрудной
Листва обрадует в свой срок...

Вот так и с девушкой иною,
Что, незаметная вчера,
Вдруг расцветает красотой —
Пришла пора! Ее пора.

1961

В РАЗЛИВ

Парк весенний затоплен ручьями.
Здесь не скоро оттает земля...
Оголенные ветви штыками
Ощетинили все тополя.
Тускло светятся волны-накаты
Темной ночью при робкой звезде.
Так и кажется: это солдаты
Наступают по пояс в воде.

1961

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Шел человек полями и лесами.
Смотрел на мир влюбленными глазами,
Искал слова, чтоб людям рассказать,
Как хороша земля его родная,
И в зимний день, и в день цветущий мая,
Как в этом мире радостно дышать.

Слова теснились пестрою гурьбою —
С листвою, с цветами, с речкой голубою,
С машинным гулом, с запахом хлебов.
Но все, что в сердце искрилось и пелось,
Не так звучало, как того хотелось,
И легких крыльев не было у слов...

А где-то в поле, памятном от века,
Счастливый взор другого человека
Впивался жадно в ту же красоту.
Его любовь мелодию рождала,
Да только слов ей нужных не хватало,
Чтоб полететь, окрепнув на лету.

И, уловив минуту дорогую,
Одна душа слышала другую —
Как глубока их родственная связь!

Словам дано привольное звучанье,
А смутным звукам — точное названье.
Поют.

Ты слышишь?

Песня родилась!

1960

В ГОРОДСКОМ САДУ

Снег потемневший влагою спрессован.
До теплых дней в саду себя сберег.
Следами лыж он весь исполосован —
Среди стволов — и вдоль, и поперек.
Прохладно небо сизое над садом,
Беззвучен пусть такой же сизый сад.
И строй берез, что впереди и рядом,
Как этот снег, шершаво-полосат...
Бывает время тихое в природе,
Бывает в ней незримая борьба:
Когда зима уже бессильна вроде,
Но и весна совсем еще слаба.
Люблю смотреть на их единоборство,
На схватку дней отживших с новизной.
Смешно зимы угрюмое упорство,
И в радость — натиск, начатый весной.
Пусть снег вокруг, а пахнет нежным, талым,
Пусть нет лучей, а в воздухе тепло.
Березы ветви свесили устало
И ждут, чтоб солнце, вспыхнув, расцвело!
И снег в саду угрюм не без причины:
Следы от лыж на нем, что видим мы, —
Как неизбежной старости морщины
На лиловатом облике зимы.

1968

АПРЕЛЬ

Еще ледок хрустит утрами —
Его съедает, гложет злость,
А у меня в оконной раме
Сияет солнце — ранний гость.

Еще в деревьях стынут соки,
Среди садов голым-голо,
А возле дома на припеке
Почти по-летнему тепло.

Над ручейками — снега глыба.
Уже недолго ей висеть:
Зима холодная, как рыба,
Попалась в солнечную сеть!

1961

МАЙСКИЙ СНЕГ

Старый снег, слоистый, темно-серый
Ручейками смыт, сошел навек.
Вдруг на крыши, на дороги, скверы
Выпал белый-белый майский снег.

Заявился с холодом и с ветром,
Но своею чистой белизной
Он о чем-то праздничном и светлом
Молча разговаривал с весной.

А когда сошел он без помарок,
Увидали мы сквозь синеву,
Будто неожиданный подарок,
Молодую сочную траву!

И как будто не было отсрочки,—
Вновь лучи сиянье миру шлют.
А на ветках выстрелили почки,
Словно маю отдали салют!

1963

Все жарче солнце. Снег сошел недавно.
Был первый дождь. И капли на весу
Дрожат на темных ветках. Сочно, славно
Запахло вербой в солнечном лесу.
Еще гола березка. Ей завидно —
На вербе пух, как праздничная шаль.
Прозрачен лес. Сквозь каждый кустик видно
Всю синевой пронизанную даль.
Давно ли небо было мутно-мглистым,
А вот теперь ни облачка на нем.
И оглашают птицы бойким свистом
Веселый лес, дремавший даже днем.
Приди сюда. Душою, а не слухом
Внимай весне, что рядом и вдали.
Наполни грудь медвяным вербным духом
И свежим, талым запахом земли.
Сверкают лужи — след былых проталин, —
Хрустальна капель трепетная дрожь.
И если был ты чем-то опечален, —
Со светлым чувством из лесу уйдешь.

1963

ЛУГ ЗАЛИВНОЙ

Луг заливной все шире и зеркальной.
Метелей, стуж разорван долгий плен.
Разлив дошел до рощицы недалней
И затопил березки до колен.

Купальщицами с радостным испугом
Стоят березки и чего-то ждут.
А над водою, над блестящим лугом
Сияет солнце, облака плывут.

И синь, и свет, и ветерок игривый,
И белизну стволов, и веток вязь —
Все отражает четко гладь разлива,
Все в нем живет, так празднично светясь.

Как будто для того и в самом деле
Здесь появилось зеркало воды,
Чтоб роща, небо увидеть сумели
Лицо своей весенней красоты.

1967

ЗЕЛЕНый ПОЖАР

Под раскаленным солнцем-шаром
Смотрите: клены, тополя
Зеленым вспыхнули пожаром!
В зеленом пламени земля!
Проспект веселый, многолюдный,
С прямыми стрелами аллея
От этой дымки изумрудной
Еще нам кажется милей.
И, видя вновь расцвет природы,
Полны мы радости большой.
Мы забываем наши годы,
И снова, юны мы душой...
Близка желанная минута —
Ударит молния в глаза,
И с громом первого салюта
Промчится майская гроза.
Она покой земли нарушит,
Но, проливая свежесть вод,
Пожар зеленый не потушит,
А лишь сильнее разожжет!

1962

* * *

Новый день! Он будет долог,
Жаркий летний день...
Над рекой тумана полог,
Свежей ночи тень.
За рекой, за кромкой леса,
Красный шар встает.
Тает белая завеса
У прибрежных вод.
Выплыл остров перед взором,
Все видней вокруг.
Славят утро звонким хором
Голоса пичуг.
Вот и Томь, вздохнув устало,
Под лучом косым
Засмеялась, заиграла
Серебром живым.
Далеко летят над нею
Пересвист и звон...
Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблен!
В избы дальнего селенья,
В ранние дымки,

В величавое течение
Голубой реки,
В чей-то голос в тихой роще,
В солнце, в птичий грай,
А сказать точней и проще —
В свой родимый край.

1956

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер — сказка наяву.
Воздух в блестках, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей —
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.
В эту сказку зимнюю влюбленный,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумленно.
— Ах, какая славная луна!
И с чего — не знаю, только снова
Вспомнил ночь далекую одну...
В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И — плохи дела.
Под луной мы все — как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..
Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землей.
Верный друг влюбленных и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!

Пусть никто тебя не проклинаяет,
Пусть всегда, в любые времена,
Чей-то голос тихо восклицает:
— Ах, какая славная луна!

1961

ЗИМНЕЕ УТРО

Чуть рассвет серебрится несмелый,
Ясный взгляд из-под сумрачных век.
Непривычный для города — белый, —
Сердце радует выпавший снег.
Все теснее толпа у трамвая,
И трамвай на ходу тяжелей.
Фонари золотятся, встречая
На работу идущих людей.
Папиросные яркие вспышки —
Словно искорки в темной реке.
Вот торопятся в школу детишки,
Кто с портфелем, кто с папкой в руке.
А снежинки ложатся на ворот
И сверкают холодным огнем.
Чем шумней, многолюднее город,
Тем светлее становится в нем,
Словно вовсе не свет на востоке
Прогоняет все тени с земли,
А живые людские потоки
Это утро с собой принесли!

1965

ВЕЧЕР В ПОСЕЛКЕ

Зимний вечер приходит в поселок,
В задремавшую рядом тайгу
Синевой у серебряных елок
На серебряно-белом снегу.
А когда над лесным частоколом
Загустеет закатная медь,
Все вокруг, что открыто и голо,
Начинает слегка розоветь.
Розоваты под снежною ватой
Тапы елок у низких ворот,
И дымок над трубой розоватый,
И в наносных холмах огород...
Вот в избе за сугробами где-то,
Где безмолвье и белая мгла,
Золотистая капелька света
Так приветно к себе позвала.
Вот за нею другую и третью
Холодеющий ветер зажег...
А мороз обжигает, как плетью,
И скрипит под санями снежок.
Даже красное в небе светило,
Тусклый блеск разбросав по лесам,
На морозе как будто застыло
Поглядишь — и не больно глазам.

...Все надолго оставляю с собою:
Запах свежести, шорох саней,
Медь заката над синей тайгою,
Золотистые капли огней.

1966

* * *

Что сейчас — зима ли, осень ли,
Знать не знает он, малыш...
Все сосульки крыши сбросили,
Реже, реже каплет с крыш.
Мальчик ловит капли звонкие.
Задержал, поймал одну!
Крепко держит он ручонками
Ясноглазую весну.

1956

* * *

С давних лет с природою мы дружим,
С той поры, как с радостью знаком,
Полюбил я по июльским лужам
После ливня бегать босиком.
В день метельный, в синий полдень мая,
Что всегда, всегда неповторим,
Мы, без слов друг друга понимая,
По душам о многом говорим.
Если мне печально или горько,
Нахожу поддержку у нее:
Лишь в окно заглянет утром зорька —
И светлей мое житье-бытье.
Если ж ей невесело от хмури,
От осенних обложных дождей,
Я пишу о солнечной лазури,
Посвятив написанное ей...
А вчера я ехал снежным полем,
Из окна автобуса смотря,
Как над белым мартовским раздольем
Занялась вечерняя заря.
И меня впервые перемена
В отношениях наших обожгла:
Как-то очень гордо и надменно
Та заря холодная цвела.
Показалось: с облачных карнизов.

Полыхая красками, она
Посылала мне какой-то вызов,
Злой самовлюбленности полна.
Дескать, что ты во вселенской шири
Значишь по сравнению со мной?
Ты всегда песчинка в этом мире,
Где сиять мне вечной красотой.
Погляди, как этот мир чудесен,
И таким вот будет он всегда.
От твоих же мимолетных песен
Даже не останется следа.
...Очень странно друга отчужденье.
Ну, а может, все как встарь у нас?
Может, кто-то был не в настроенье —
Я или природа — в этот час?..

1967

* * *

Зори весен со мною,
Просыпаюсь — смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Славлю пору расцвета,
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветет без меня.

Славлю осени просинь,
Желтизну на лугу.
А какую-то осень
Я воспеть не смогу.

Славлю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А каких-то снежинок
Не смогу увидеть.

Грустно думать об этом.
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко...

1965

* * *

Есть всему свое предназначенье:
Песня — птице, молот — кузнецу,
Дням весны — беспечное цветенье,
И румянец — юному лицу.
Ну, а мне? Что мне дала природа,
Где мою тропинку провела?
Вдруг да я — на шее у народа,
Словно муха на рогах вола?
Пусть не стану я большим поэтом,
Пусть со мной стихи мои умрут,
Но пока люблюсь белым светом,
Я не брошу свой заветный труд.
И пока я вижу небо это,
Эту землю, солнце, облака,
Не умрет во мне душа поэта,
Будет славить жизнь моя строка!

1961

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Кто придет и кто меня научит,
Как мне жить и как стихи писать?

Ярослав Смеляков

В молодости, светлой от улыбок,
Столько сил, что незачем беречь.
И напрасно кто-то от ошибок
Пробует тебя предостеречь.
Все легко, доступно и понятно,
Этим ты и счастлив, и богат.
Начал путь — не пятишься обратно,
Лишь вперед, хотя бы наугад!
Не поладил с другом — завтра снова
Открываешь душу перед ним.
А какое редкостное слово
Появилось под пером твоим!
...За плечами, как прибой ропот,
Жизни шум — немалые года.
Ты богат — большой имеешь опыт,
Ты мудрей во многом, чем тогда.
Стал плохим, хорошим ли — поэтом.
И не ты к кому-нибудь уже,
А к тебе приходит за советом
Юноша на трудном рубеже.
Не поверит он, что над строкою
Проливаешь сам ты сто потов,

Что в иные дни махнуть рукою
На свою поэзию готов.
Все сложнее, чем юности казалось,
Все трудней, чем думала она.
Опыт есть, но он — такая малость,
Каждый день загадок жизнь полна,
Не один вопрос тревожит, мучит,
И как часто хочется сказать:
Кто придет и кто меня научит,
Как мне жить и как стихи писать?

1966

* * *

Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет,
Красивое растение —
Обычный пустоцвет.
Есть видимость поэзии,
Но острый вкус, как нож,
Разрежет строки резвые —
И в них проступит ложь.
Есть зло, добру подобное,
Но время лоск сотрет,
Покажет только злобное,
Когда придет черед.
И есть добро, похожее
На зло. Но жизнь и там
Проявит все хорошее,
Расставит по местам.
Советов поучительных
Не дам. Не обессудь.
Я сам ищу мучительно,
Где видимость, где суть.

1965

* * *

Глядим назад, на юность золотую —
И жалко нам до горечи, до слез
Часов и дней, утраченных впустую,
Что на ходу скатились под откос.

Не оттого ль, что сделано так мало,
На сердце мудрость тяжестью легла:
О, если б юность знала, понимала,
О, если б старость умная могла!

1960—67

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Она не знала громких фраз,
Но в дымной огненной метели —
Мы это видели —
Не раз
Была доказана на деле...
Запомнил я воздушный бой.
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той — немецкой — стороной
Гудело небо басовито.
А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулеметных строчек нити.
Атака в лоб, удары в бок —
Смешалось все в кружение лютым...
Вот задымился «ястребок» —
И летчик прыгнул с парашютом.
Сейчас подскочит «мессершмитт»,
Мелькнет вблизи зловещей тенью —
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...
Но тут же друга самолет,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идет,
Берет его в кольцо живое!

Пройдет еще минуты две —
Никто его уже не скосит:
Ведь белый купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!
Уж видит летчик колею,
И рожь, и луг, и дым над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Все ходит в небе — круг за кругом.
...И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Как мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды.
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной —
Делом!

ЕДИНСТВО

Мы так зависим от людей!
Без них не ступишь ты и шагу.
Они дают душе твоей
Любовь, и радость, и отвагу.
В союзе с ними ты — велик.
Твои усилия не напрасны.
И коль чего-нибудь достиг,
То люди к этому причастны.
Живи, в работе молодых,
Пусть силы новые придут,
Чтоб сделать что-то для людей.
Они-то, брат, в долгу не будут.

1962

* * *

Большое умение
Во всем я ловлю,
В любом проявлении
Его я люблю:
В заточке деталей
На умном станке —
Смотри: засияли
В умелой руке!
И в пенье, и в пляске
Его узнаю —
Особые краски,
Живую струю!
В работе поэта —
Будь молод иль сед, —
Что строчки сонета
Сплетают в букет.
В игре музыканта,
Во всяком труде...
Явление таланта —
Как чудо везде!

1965

НЕУДАЧИ

Никто не огражден от неудачи.
Ее нельзя порою обойти,
Когда идешь куда-то. И, тем паче,—
Когда не ищешь легкого пути...
Есть неудачи вроде легких капель,
А есть и повесомей, как свинец.
Проверенный, врачу послушный скальпель
В руке однажды дрогнет — и конец.
Но жизнь не остановится на этом.
Затеplit утро солнечную медь.
И вновь блеснет над простыней пинцетам.
Струиться строчкам. Ножницам звенеть.
Пускай судьба дает нередко сдачи.
Но, слава жизнь и за нее борясь,
Мы твердо верим в новые удачи,
Дерзаем, неудачи не боясь!

1963

* * *

Я очень завидую звездам!
Всю ночь пламенеет звезда.
И я для горения создан,
Да только горю не всегда.
Бывают и дни, и недели,
Что тихим застоем грозят,
Как будто подводные мели
Движенья души тормозят.
Упрешься — и стронуться трудно,
Хоть отдыха ты не просил.
Меж тем неприметно, подспудно
Идет накопление сил.
Пусть руки безвольно повисли,
И вдруг ты на гребне уже:
Рождаются новые мысли,
И чувства вскипают в душе!
С бесстрастностью неба ночного
Я спорю тогда в тишине:
Дарю что-то людям я снова —
И звезды завидуют мне.

1965

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далекой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга неожиданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярок,
Отзвенел на ветру и увял...
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал!
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем
На летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноких раздумий любитель,
Он гуляет. Вблизи никого.
И зеленая эта обитель —
Не музей, а усадьба его.
Вот присел на скамейку под кленом
В светлом мире деревьев и пчел,
Вскинул брови и взглядом влюбленным
Все вокруг, как хозяин, обвел.

...Скрылось солнце.
При ламповом свете
Он опять за столом, над строкой,
И уже не старик в кабинете,
А бессмертный художник Толстой!
Льну глазами к листку золотому,
Затаенно гляжу не дыша.
Вновь как будто к чему-то святому
Прикасается тихо душа.

1967

РОДНИК ПОЭЗИИ

Пропахший травами и хвоей,
Порою мокрый от дождя,
Делюсь я радостью с женою,
Под вечер из лесу придя:
— Ну, поздравляй меня с удачей!
Хороший выдался денек:
Я нынче справился с задачей,
Гляди-ка, сколько сделал строк!
С натуры все. Пока — наброски,
Так. Разговор с самим собой.
Но штрих живой, пускай неброский,
Дороже выдумки любой.
Что видел, слышал — пригодится:
И всплески рыбы на реке,
И в лодке — в стареньком корытце —
Мальчишка с удочкой в руке,
И перекличка конских ботал,
И взлет тяжелый глухаря...
Неплохо, в общем, поработал,
Считай, что день прошел не зря.
— Ишь, поработал! — Вижу, теща
Сейчас подпустит мне ежа.
Работать так куда, мол, проще,
На пень тетрадку положи.

Ну, так и есть:
— Нашел работу!
Сидеть на солнце, спину жечь.
Добро бы жердь прибил к заплоту,
Сметал бы стог, сложил бы печь.
А то — стихи. Да неужели
За это деньги платят вам?
Вот чудаки! Совсем сдурели.
Привыкли к разным пустякам...
Наутро тихо, без бахвальства,
Беру я гвозди, молоток,
И — где по шляпкам, где по пальцам —
Такой там поднял стукоток!
...Готова новая ограда.
Светла, как летняя заря.
И сам я рад; и теща рада,
Смеется: — День прошел не зря.
И хоть заноза на занозе —
Доволен я, как ученик...
Нет в жизни места скучной прозе,
Вся жизнь — поэзии родник!

КАРТИНКИ БУКВАРЯ

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом,
Где, помню, до свету вставляли
При звезд мерцанье голубом.
И через времени завесу
Все вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли...
Согнула мать беда-кручина,
Нужда вошла под хмурый кров.
И на меня, как на мужчину,
Лег труд отцовский — пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку, — он в первый класс пошел!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально — бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре.
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.

Стучался ветер в дверь, в ворота,
Но, в мир поэзии влюблен,
Я в этом сказочное что-то
Ловил, угадывал сквозь сон...
Мне до сих пор все это мило:
Картинки те из букваря,
Метель, что окна серебрила,
Со мной стихами говоря...

1962

ДЕТСТВО

Где ты, детство?..
Где-то рядом,
Возле дома моего.
Может, здесь, за этим садом,
Повстречаю я его?
Может, там, за партой в школе,
Все еще сидит оно?
Иль, устав играть на воле,
Смотрит в синее стекло?
Или там, в селе далеком,
У забора над репьем
Наблюдает резвым оком
За хохлатым воробьем?
Тяжело цветам от зноя...
Чьи-то лошади, пыля,
Скачут вечером в ночное
За околицу, в поля.
Росы падают на травы.
И до самого утра —
Звезды, искры, дым кудрявый,
Разговоры у костра.
Из туманного далека
Манит образ милых дней.
То он — реющий высоко,
Длиннохвостый белый змей,

То, как путь, слепящий снегом,
На укатанной горе,
С окрыляющим разбегом
В снежно-пыльном серебре.
Мчатся дни, как вьюга-замять.
Много в жизни новизны.
Но хранит навеки память
Детства радужные сны.

1953

РОДНОЕ

Брату Григорию

Помню, брата просил я:— Сыграй-ка!
И, присев на завалинку, он,
Вновь настроив свою балалайку,
Рассыпал мелодический звон.
То «Подгорной» с весельем задорным
Звонко струны смеялись в тиши,
То задумчивым вальсом минорным
Проникали до самой души.
Слушал я, босоногий мальчишка,
Приоткрыв от волнения рот...
Вот и новая в памяти вспышка:
Мать «Лучинушку» тихо поет.
Зимний вечер синеет в оконце.
Вьюжный ветер в калитку стучит.
И кружится, жужжит веретенце,
И печальная песня звучит...
А еще вспоминаю двухрядку
Днем весенним в руках жениха.
Даже бабы пускались вприсядку,
Лишь рванет золотые меха!
И от праздничных звуков гармошки
Все светилось, искрилось кругом —
Солнце, лужи и девичьи брошки,
И сапожный сверкающий хром...

Край российский, с метелью холодной,
С полыханьем цветов на лугу!
Без гармошки, без песни народной
Я представить тебя не могу.

1967

* * *

Незаметно дни идут за днями —
То морозы лютые, то зной...
Сколько лет ты, занятый делами,
Не видался с матерью родной?
Каждый год клянетесь вы с женою,
Отпуск взяв, у мамы побывать.
Но настанет время отпускное —
И на юг вы едете опять.
Где-то ты и тверд, и независим —
Что бы здесь поставить на своем!
Пишет мать, а сыну не до писем,
Он все занят: — Как-нибудь потом...
Отошлешь ей деньги и спокоен:
Оправдал бездушие свое.
Только вряд ли «чуткостью» такую
Осчастливить можешь ты ее.
Мать иначе долг свой понимала.
В те года, как был ты малышом,
Чуть заплачешь — к сердцу прижимала,
И ни разу в жизни не сказала,
Мол, успею,.. как-нибудь потом.

1956

Я ВЕРНУЛСЯ

Это многим, наверно, знакомо:
Прилетев на больших скоростях,
Я стою у родимого дома,
У далекого детства в гостях.
Те же ставеньки, если взглядеться,
Возле домика та ж лебеда,
Хоть, быть может, к шестому владельцу
Перешел он за эти года.
Без меня здесь был тополь посажен,
Молодою листвою откипел.
И теперь, многодумен и важен,
Он состариться даже успел.
И окошки с дремотою сладкой
На закате июньского дня
Не блеснули веселой догадкой —
Равнодушно глядят на меня.
Все бывшее — сегодня со мною.
Я вернулся в минувшие дни,
Вновь звучат за моею спиною
Голоса поредевшей родни.
Вижу смутно дороги и тропы,
По которым когда-то прошел.
И кресты «мессершмиттов», окопы
И костры догорающих сел...

Как во сне, я берусь за колечко
На калитке, что сникла совсем.
Вот ступил на родное крылечко,
Постучал неизвестно зачем.
Словно после крутого подъема,
Глубоко и неровно дышу.
Что скажу я хозяину дома.
И о чем я его попрошу?..
Нет, не жду под небесною синькой,
Стоя возле знакомых ворот,
Что, назвав по-старинному Минькой,
Голос мамы меня позовет...
Где-то звук отдаленного грома,
Словно в детстве, за дальней межей.
Я приехал домой — и не дома.
Все чужое. И сам я чужой.
Ни к чему заходить мне к соседу,
Объяснять да с расспросами лезть.
Завтра утром я снова уеду.
Только сердце останется здесь.

* * *

Нет мысли, думы, чувства ли такого,
Чтоб не сумело выразить их слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание — как громкий крик души.

Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблекшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в седицах голова...
Ах, как мертвы, никчемны все слова!..

1960

СОСЕДКА

Как приятно мне от мысли,
Что ты рядышком живешь!
Вот на гибком коромысле
Воду бережно несешь.
Не гляжу я даже вроде,
Только слышу в эту тишь,
Как ты ходишь в огороде,
Звонким ковшиком гремишь...
Пусть и видимся мы редко,
Но светла моя судьба
Оттого, что ты — соседка,
Что вблизи твоя изба.
Я сроднился с той избою,
У окошка, во дворе
Вижу я тебя порою
Утром, в полдень, на заре.
...А сегодня в час заката
Я подумал без причин:
Вдруг уедешь ты куда-то,
Вдруг останусь я один?
Сразу тучи потемнели,
Стала рожь невесела,
Будто ты и в самом деле
Уезжаешь из села.

1956

РЕКА

Александру Пинаезу

...Бывало, скроет до плечей,
Едва ты с берега соступишь,
А нынче — узенький ручей,
Где донный камень кажет кукиш.
Да, незавидное житье.
Была река, звалась Барзасом.
И вот — как не было ее.
Не заблудился ли я часом?..

Но, без особого труда
Сдвигая каменную груду,
Вдруг мощно хлынула вода.
Через открытую запруду!
Река привольно разлилась,
Как в половодье, в полдень вешний.
И обрела былую власть,
И обрела свой голос прежний!

...Не торопитесь хоронить
Поэта, коль молчит подолгу.

Не перестал он жизнь любить,
Молчит по внутреннему долгу.
Он силы копит в тишине,
Распределяет их умело,
Чтоб на высокой на волне
Его поэзия взлетела!

1964

РОДСТВО ДУШ

Это мнение, мы знаем, не ново:
Дескать, скучно бывает,
Когда
Понимаем друг друга без слова
И сближаемся мы без труда.

Дескать, лучше, стократ интересней,
Коль несхожие люди сошлись —
Чтобы разные думы и песни,
Чтобы разные взгляды на жизнь...

Но тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищу:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.

Не хочу недоверьем обидеть
Тех, с кем радость работы делю:
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.

Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас, —
Облака над полями, лесами
И веселого дождика пляс,

И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...
Для кого бы творили поэты,
Если б не было родственных душ?

1963

* * *

Виктору Баянову

Есть у меня поэт любимый,
Не из маститых — молодых.
Ах, как мне мил неповторимый
Настрой стихов его простых!
Чужды красоты и лоску.
Они живут. Читаешь их —
И словно смотришь на березку
Среди колосьев золотых.
Иные рифмой щеголяют,
Выводят образов шитье,
А он читателям вверяет
Лишь сокровенное свое.
Душой подсказанное слово
Гранит, шлифует не спеша.
И повторить хочу я снова,
Что суть поэзии — душа.
...Вот, симпатичен, ладно скроен,
Сидит он рядом за столом
И, как всегда, застенчив, скромн,
О чем-то думает своем.
Хоть улыбается от шуток,
Но не скрывает, что устал:
В ночную смену он полсуток
На паровозе простоял.

Вы только чуткость проявите —
И он тотчас же в мире строк.
— Ну, что есть новенького, Витя?
— Да написал один стишок...
Гляжу на строчки, чуть косые,
Что скромно названы стишком —
И говорит со мной Россия
Сердечным русским языком.

1965

* * *

Смолоду друг друга не жалели.
Принимая злой и гордый вид,
Мучались, бывало, по неделе
От случайных маленьких обид.
Нынче вас не разольешь водою.
Вот когда помолодеть бы вновь...
Очень жаль, что не одной тропею
В жизнь вступают мудрость и любовь.

1959

* * *

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Ты в первый раз уехала далеко,
Туда, где в море вольно кораблю,
И как мне стало грустно, одиноко,
И как тебя сегодня я люблю!

Припоминаю прошлого детали:
Как встретились впервые по весне,
Что видели в кино, что прочитали,
Что в день рожденья ты дарила мне...

Нет и следа от вздорного, плохого,
Осталось лишь хорошее со мной —
Твоя улыбка, ласковое слово,
И добрый взгляд, и голос твой родной.

Со стороны как будто я увидел
Обоих нас. И злюсь я на себя,
Что вот тогда-то я тебя обидел,
Что говорил с тобой, в сердцах грубя.

Припомнив все успехи, неудачи,
Что нас сроднить успели за года,
Хочу, чтоб лучше было все, иначе,
Чтоб ссор, обид не знать нам никогда.

Ведь даже просто маленькая стычка
Проводит в жизни черную межу...
Пусть считают, что любовь — привычка.
Хорошая привычка, я скажу!

1965

* * *

Хорошей, славной называю,
А разобраться — что к чему,
За что люблю тебя? Не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.
Но как нужна ты мне, отрада!
Нужна, как парус кораблю.
И в чем тут суть — гадать не надо.
Люблю — и все. Как мир, люблю.
Будь в облаках он, будь он в звездах,
Он — вечной радости родник.
Не объяснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.

1951

* * *

Опять в саду цветет сирень...
Друзья! Мое вам пожеланье:
С любимой каждый новый день
Встречать, как первый день свиданья;
Не знать до старости разлук,
Оберегать сердца от скуки,
И так ценить своих подруг,
Как будто завтра — день разлуки.

1950

* * *

Придет весна — мы думаем о лете,
В метель и стужу грезим майским днем.
Что там, вдали?... Вставая на рассвете,
Всегда чего-то нового мы ждем.
И так всеильно это ожиданье
Каких-то нам неведомых чудес,
Что даже в дни седин и увяданья
Не угасает к жизни интерес.

1966

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они.
— Здравствуй! — Здравствуй!
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
Нет, никто бы не мог помешать им,
Только каждый припомнил семью —
И лишь долгим и теплым пожатьем
Тихо выразил нежность свою.
— Как живешь? — Да уж, видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.
«Для меня ты всегда молодая!» —
Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню далекие дни!..»
Словно парень и девушка, рядом
Как-то робко стояли они.
Их толкали. И птицы галдели,
И визжали вблизи тормоза.
А они все стояли, глядели,
Все глядели друг другу в глаза.

И была эта радость печальной,
Потому что, душою сродни,
Благодарные встрече случайной,
Вновь надолго прощались они...

1965

НЕЗНАКОМКА

Как случилось, не знаю:
По утрам я привык
Примечать золотистый
Меховой воротник.
Ярко-красные губы...
Подведенная бровь...
Обменяемся взглядом —
И расходимся вновь.
Чем влечет незнакомка?
Выражением глаз!
Поглядеть в них подольше
Мне хотелось не раз.
О, когда б она знала,
Понимала сама,
Сколько света во взгляде,
И души, и ума!
Не с такими глазами
Превращать красоту
В украшение, в приманку,
Что видна за версту!
Вся косметика эта —
Грязь на чистом снегу...
Жаль, что правду такую
Ей открыть не могу.

1960

* * *

Уже давно он признан нами
Как мастер дела своего,
А все, бывает, временами
Грызут сомнения его:

А так ли сделана работа,
Чтоб показать ее на свет,
А может, лишнее в ней что-то,
А может, в ней чего-то нет?..

И вечно это беспокойство,
Стремленье заново дерзать.
Знать, таково таланта свойство —
Себя сомненьями терзать...

1964

О ПРОСТОТЕ

Обидно мне за простоту.
Иной в презрении ретивом
Ее обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В нее лишь верит непреложно,
Не зная истины простой,
Что эта сложность часто ложна.
Абстракций красочных потоп
Увидят тонкие эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты.
Мол, сразу видно мастерство.
Тут что-то есть, хоть непонятно...
Да бросьте! Нет здесь ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Стихи ли модные прочтут,
Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут,
В бреде без запятых и точек...
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той — высокой, благородной.

О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надежен.
Она — как скромный свет берез
И вместе с тем — как блеск из ножен.

1966

КРАСНОРЕЧИЕ

Красноречивых люди уважают.
И часто грубовато, напрямик,
С восторгом восхищенье выражают:
Как хорошо подвешен, мол, язык!..
Но иногда во мне противоречье,
С которым я не в силах совладать:
А может быть, иное красноречье —
Привычка суть пустую прикрывать?
Где дать бы волю чувствам человеческим,
Пожать бы руку, взглядом ли согреть,
Таким холодным блещут красноречьем.
Что даже в тягость слушать и смотреть.
Устанешь от словесного потока —
И радостно, мой друг, побыть в тиши,
Где так порой значительно, глубоко
Немое красноречие души.

1966

* * *

С увлечением книгу дочитал,
Переполнен свежим, светлым чувством,
И еще, наверно, с час листал,
Наслаждаясь истинным искусством.
Все, что было в сердце, на уме,
В миг, когда закрыл я книгу эту,
Захотелось выразить в письме,
Благодарность высказать поэту.
То-то будет радостно ему
Получить восторженное мнение!..
Но, скользя глазами по письму,
Я в душе почувствовал сомнение.
Нет, пожалуй, незачем мне лезть
Со своим горячим излияньем.
Вдруг порыв мой примет он за лесть,
Гордый, избалованный вниманьем.
Может, в этом отклике простом
Что-нибудь не так совсем сказалось...
Долго размышлял я над письмом.
И письмо... непосланным осталось.
...Ах, как часто, искренность любя,
Избегал слов и дел фальшивых,
Мы привыкли сдерживать себя
В самых добрых чувствах и порывах!

Перед кем-то, очень дорогим,
Запираемся душою чуткой,
Обходясь молчанием глухим
Или просто грубоватой шуткой.
Если б знал ты, доброе тая,
Проходя с застенчивостью мимо,
Что как раз признательность твоя
Человеку так необходима!..

1967

ОПЫТ ЖИЗНИ

Опыт жизни — горный перевал,
На котором с грустью и тревогой
Не один под старость горевал
Оттого, что шел не той дорогой.

1960

* * *

Немного надо времени, сноровки,
Купив билет, куда-нибудь махнуть.
Набрался фактов там, в командировке, —
С блокнотом полным мчись в обратный путь.
Скорей за стол, не медля, без отсрочки!
Скрипит перо все ночи напролет...
Но почему написанные строчки,
Хотя и гладки — холодны как лед?..
Другой живет в селе или станице,
Который год безвыездно живет,
А пишет так, что каждая страница,
Как говорится, за душу берет!
И нету в том особого секрета:
Среди людей работаем, творим.
А только первый ищет их все где-то,
Другой же любит тех, что рядом с ним.
Талант, любовь нужны в любой работе,
Не так-то просто сделать даже стол...
Едва ли то найдешь в своем блокноте,
Чего ты прежде в сердце не нашел.

1959

* * *

Он был общителен и весел.
Но вот он занял видный пост.
И, видно, сразу это взвесил,
И стал солиден и непрост.
И как с ним стало неуютно!
Зайдешь по дружбе в кабинет —
Хватает трубку поминутно,
Как будто здесь тебя и нет.
Отдав свои распоряженья,
Уткнется в ворохи бумаг.
Такое, дескать, положение —
Я занят, некогда никак.
Сидишь, и так тебе неловко
За пыль в глаза, за хвастовство.
Ведь знаешь: поза и рисовка —
Вся эта занятость его.
Ты для него как всякий прочий.
Ты, дескать, пишешь что-то там,
А я делами тут ворочай,
И... ни к чему встречаться нам.
Мол, я на самом гребне века,
Тебе я нынче не чета...

Верните людям человека!
Снимите с этого поста!

1964

КУЗНЕЦ

Когда кузнец без дела,
Заметно: он немолод,
Ничем уже не сгонишь
Морщин с его лица.
Но вот берет он в руки
Большой, тяжелый молот —
Теперь заткнет за пояс
Любого молодца.
Смотри, какая удаль
В ударе, в каждом взмахе!
Кузнец играет силой,
Веселой, озорной.
Лишь огненные брызги
Взлетают, будто в страхе,
Да плющится железо,
Как слиток восковой.
За дверью — сумрак, звезды.
Закат в полях отплавал.
А здесь меха вздыхают,
В клещах ярится жар.
Весь в отблесках багровых,
Кузнец, как рыжий дьявол,
Стучит по наковальне...
Удар!.. Еще удар!

Гляди и восхищайся
Работою толковой...
И сам кузнец смеется:
— Ну, как оно? Добро!
...Вот так бы научиться
Владеть тобою, слово,
Чтоб искры высекало
Послушное перо!

1959

* * *

Мы ценим все, что сделано добротю,
Что для души приятно и для глаз —
Дворцы, стихи, художников полотна
Иль просто мебель в комнате у нас.
Чем лучше вещь, изделие, творенье,
Тем незаметней главное всегда:
Какое в это вложено умение,
Какого это стоило труда.

1966

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

Мы подчас как малые ребята:
Ненадежна дружбы нашей нить,
Часто смотрим косо на собрата,
Не умеем труд чужой ценить.
Не шутя отстаиваем право
Первым парнем зваться на селе.
А зачем? Подумайте-ка здраво:
Нас и так немного на земле...

1961

* * *

Нет ничего безликого на свете,
На всем своя особая печать.
Невежество узнаешь по примете:
Оно безмерно любит поучать.
А у величья — скромное обличье:
На нем морщины черного труда.
И поучать не станет вас величье,
Лишь дать совет решится иногда.

1960

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Что все на свете зыбко, мимолетно,
Острей, больней я начал замечать.
С минувшим днем прощаюсь неохотно,
Его готов я заново начать...
Люблю ловить дыхание рассвета,
Шаги его — росую по траве.
Но вот уже ушло мгновенье это,
Растаяло в полдневной синеве.
Заходит друг, и в комнатном уюте
Звучат слова и светятся глаза.
А за окном в густой свинцовой мути,
Гремя, сверкая, буйствует гроза.
Но, как и утра легкое дыханье,
Опять остались в вечности, в былом
Беседа наша, молний полыханье,
Весь этот день — с добром своим и злом.
Потом заря вечерняя в полнеба
Меня далеко в поле позовет,
Чтоб я запомнил тихий шелест хлеба,
Звон ветерка и ласточек полет.
Когда же ночь накроет мглою зданья
И погрузятся в сон и дом, и двор,
Придут ко мне толпой воспоминанья
И заведут безмолвный разговор.

И целый мир проявится в них снова —
Кленовый лист, блестящее весло,
Улыбка чья-то, чей-то жест и слово,
И грусть о том, что все навек ушло..

1964

НА ВЫСОТЕ

Когда трудом, упорством и стараньем
Ты на нелегком жизненном пути
Достиг высот, отмеченных вниманьем,
Чтоб за собой кого-нибудь вести;
Когда тебе почет и уваженье,
И что ни день звезда твоя видней —
Всего страшнее в этом положении
Не оправдать доверия людей.

1966

БЕРЕГА

Утро — берег, откуда отчалим,
Вечер — берег, где кончится путь,
Где мы радостям нашим, печалам
Устояться дадим, отдохнуть.
Я хотел бы, свой плот направляя
По реке наступившего дня,
Чтоб погода была штормовая,
Чтоб несло и кружило меня!
В этой вечно текущей дороге
Не нужна мне спокойная гладь.
Пусть людские заботы, тревоги
Не дают ни на миг задремать!
Пусть работают сердце и руки,
Забывая про отдых в пути,
Чтоб у тихой вечерней излуки
Мог спокойно на берег сойти.

1961

ДЕНЬ

Был длинный день: и стук трамвая,
И чей-то смех, и голоса.
Чесала туча грозовая
Огнистым гребнем волоса.
Потом сушило солнце лужи —
Осколки синего стекла.
В окно открытое
Снаружи
Прохлада ласково текла,
И было многое другое,
Что вспоминать мне даже лень...
Приходит вечер, беспокоя:
Зачем ты прожил этот день?
Он вдаль куда-то без заботы
Ушел, пустым ведром звеня...
День, проведенный без работы,—
Всегда утрата для меня.
...А нынче день такой короткий!
Каким он был — не видел я.
Уже в окошко месяц кроткий
Глядит, свой желтый свет струя.
Сегодня я спокойно лягу.
Приятно мне, что лунный свет
На стол ложится, на бумагу,
Где я оставил зримый след.

Сквозь сон я слышу, как вагоны
Тяжеловесно топчут сталь,
Как будто чем-то нагруженный
Минувший день уходит вдаль...

1965

СОДЕРЖАНИЕ

«Я сроднился навеки с полевой тропой...» . . .	3
«Не удивлять, а удивляться...» . . .	8

Землякам

Россия . . .	11
«Годы, годы. Ах, как они мчатся...» . . .	12
Русский поклон . . .	14
Старый солдат . . .	16
Вечный огонь . . .	19
Положительный герой . . .	21
Пути-дороги . . .	22
«Кукурузник» . . .	24
Свет в окне . . .	26
Фекла Гречушкина (рассказ в стихах) . . .	28
Евгению Урбанскому . . .	36
Солдат с ребенком . . .	38
Жаворонок . . .	40
Наша трибуна . . .	42

Нестареющая, вечная

Родные проселки . . .	45
Я привез... . . .	47
«Лежу в траве на берегу пологом...» . . .	48
Облака . . .	49
«Ясна, чиста, заката алость...» . . .	50
Перепелка . . .	51
Иван-Купала . . .	52
«Один сказал...» . . .	53
Звездочка . . .	54
«Сойдя на полустанке...» . . .	55
«Нестареющая, вечная...» . . .	57
После рыбалки . . .	59
«Гляжу в окно вагона...» . . .	60
В поле . . .	62

Тишина	63
Дом в роще	65
Перед сенокосом	67
Ливень	68
Август	69
Стога	70
Осенние цветы	72
Березка	73
«Нынче осень на редкость хорошая...»	74
Туман	75
«Полями ли шагаю...»	76
Колосок	77
Начало зимы	78
«От мороза сторожка ежится...»	79
В снегопад	80
«Звонким полозом кошевки...»	81
«В снежных шубах ели, пихты...»	83
Последние морозы	84
«В полдень, синея...»	86
В начале весны	87
Зиму увозят	88
«Все замечают звон капли...»	89
В разлив	90
Рождение песни	91
В городском саду	93
Апрель	94
Майский снег	95
«Все жарче солнце. Снег сошел недавно...»	96
Луг заливной	97
Зеленый пожар	98
«Новый день! Он будет долог...»	99
Луна	101
Зимнее утро	103
Вечер в поселке	104
«Что сейчас — зима ли, осень ли...»	106
«С давних лет с природою мы дружим...»	107
«Зори весен со мною...»	109
«Есть всему свое предназначенье...»	110

Берега

Главный вопрос	113
«Есть видимость цветения...»	115

«Глядим назад, на юность золотую...»	116
Фронтная дружба	117
Единство	119
«Большое уменьше...»	120
Неудачи	121
«Я очень завидую звездам...»	122
Кленовый листок	123
Родник поэзии	125
Картинки букваря	127
Детство	129
Родное	131
«Незаметно дни идут за днями...»	133
Я вернулся	134
«Нет мысли, думы, чувства ли такого...»	136
Соседка	137
Река	138
Родство душ	140
«Есть у меня поэт любимый...»	142
«Смолоду друг друга не жалели...»	144
«Ты в первый раз уехала далеко...»	145
«Хорошей, славной называю...»	147
«Опять в саду цветет сирень...»	148
«Придет весна — мы думаем о лете...»	149
Встреча	150
Незнакомка	152
«Уже давно он признан нами...»	153
О простоте	154
Красноречие	156
«С увлечением книжку дочитал...»	157
Опыт жизни	159
«Немного надо времени, сноровки...»	160
«Он был общителен и весел...»	161
Кузнец	162
«Мы ценим все, что сделано добротой...»	164
Собратьям по перу	165
«Нет ничего безликого на свете...»	166
Неповторимость	167
На высоте	169
Берега	170
День	171

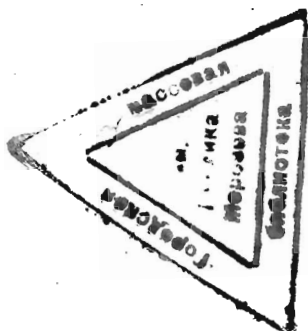
**НЕБОГАТОВ
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

«СВЕТ В ОКНЕ»

Избранные стихи

Редактор Л. В. Г л е б о в а
Художественный редактор О. С. К р а с о в а
Технический редактор Г. В. А д о в а
Корректоры П. С. А л е к с е е в а,
Е. И. Т и м о щ у к

34584

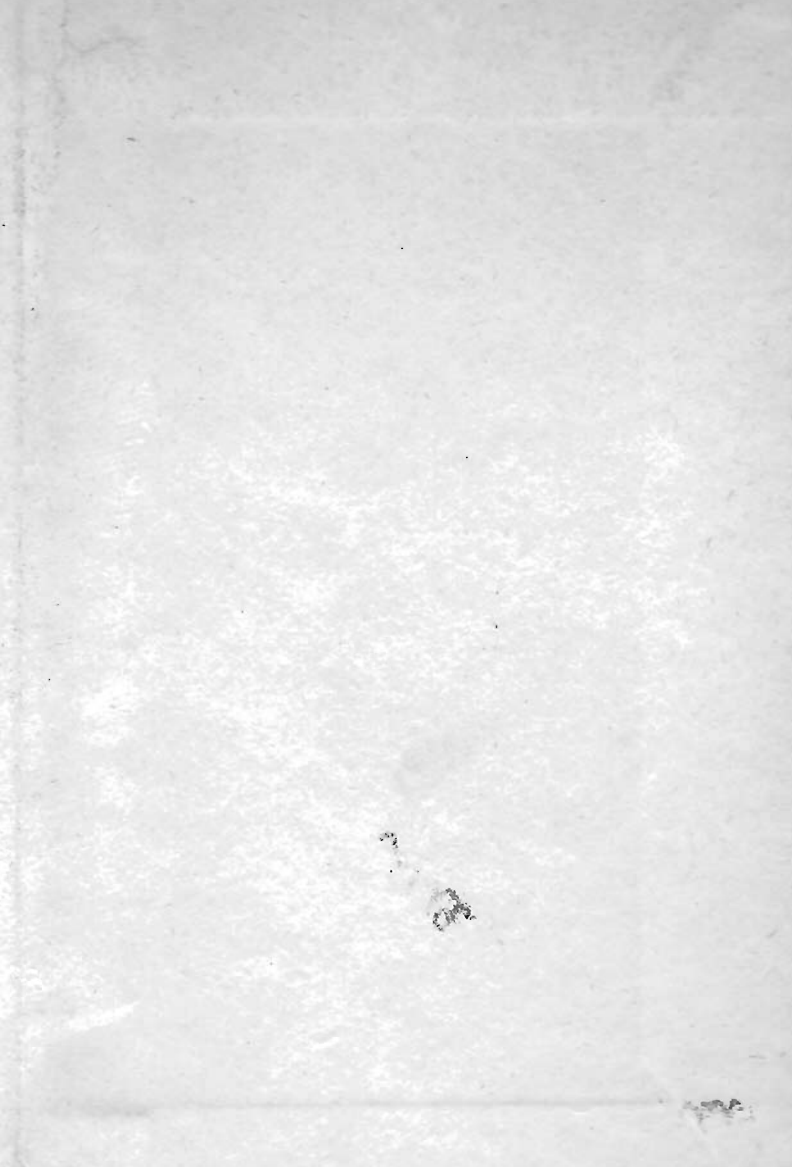
Сдано в набор 29.X.1968 г. Подписано к печати 19.V.1969 г.
ОП00024. Формат $70 \times 90 \frac{1}{32}$. Бумага типограф-
ская № 2. Усл. печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 4,65. Тираж
10 000. Заказ № 6636. Цена 58 коп.

Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Совет-
ский пр., 94.

Типография № 1 управления по печати
Кемеровского облисполкома Кемерово, Ноградская, 5.

30 June

Цена 58 коп.

КЕМЕРОВО 1969